

Он просто никогда не думал, что кто-то сможет сделать такое настолько открыто. К Цзян Мэнлиню он всё же относился с уважением, тем более что мерзкий вид Чжао Дагана вызывал у него отвращение.

— Чжао Даган в последнее время скопил немало денег, обзавёлся кучей сомнительных друзей, господин Цзян, вам стоит быть повнимательнее.

Цзян Мэнлинь усмехнулся, размахнулся и ударил Чжао Дагана наполовину разбитой бутылкой, отправив того в нокаут, после чего спокойно направился к выходу. Сун Цинсюй, с трудом таща за собой это обездвиженное тело, последовал за ним.

— Господин Чэн, — Цзян Мэнлинь сел в ужасную машину Чжао Дагана, позвонил начальнику полиции.

Тот, услышав его голос, рассмеялся:

— Господин Цзян, как это у вас нашлось время для разговора со мной?

Чэн Банго, по словам знакомых Цзян Мэнлиня из Гонконга, был настоящим упрямым, человеком принципов, который никогда не брал взяток и не посещал званных ужинов. Если дело требовало расследования, он не смотрел ни на чьё лицо.

Цзян Мэнлинь же считал его редким умником. В Гонконге давно практиковали высокие зарплаты для чиновников, чтобы избежать коррупции, и Чэн Банго не собирался губить свою карьеру из-за мелкой выгоды. Хотя, конечно, он не был так чист, как казалось на первый взгляд.

По крайней мере, Цзян Мэнлинь смог его «купить», вложив немало денег. К тому же, его младшему сыну нужны были уроки каллиграфии, которые мог преподать Сун Цинсюй, так что Чэн Банго всегда относился к Цзян Мэнлиню с уважением.

Услышав, что Цзян Мэнлинь «усыпил» Чжао Дагана, Чэн Банго слегка смутился и кашлянул, задав странный вопрос:

— Ты правда... Зачем ты мне это рассказываешь...

— Ха-ха-ха-ха! — Цзян Мэнлинь рассмеялся. — Если кто-то подаст заявление, я беспокоюсь, что тебе будет неудобно. Если поступит звонок, просто отмахнись от них.

Чэн Банго поспешно согласился, а затем спросил:

— А насчёт уроков каллиграфии для Ачжу...

Цзян Мэнлинь улыбнулся, взглянув на Сун Цинсюя, который сидел рядом с прямой спиной, и ответил:

— В пять часов он придёт.

Чэн Банго поблагодарил и положил трубку. Цзян Мэнлинь посмотрел на Сун Цинсюя:

— Ты довольно полезный.

Сун Цинсюй смущённо кашлянул, слегка покраснев, и пристегнул Цзян Мэнлиня ремнём безопасности.

Цзян Мэнлинь улыбнулся, глядя на его лицо — белое и чистое, с хорошей фигурой. Если бы можно было взять его в качестве постельного...

Кхм!

Цзян Мэнлинь прикрыл рот, стиснул зубы и вздохнул. «О чём это я думаю...»

Чжао Даган очнулся от боли, открыл глаза и не смог сдержать стон.

Увидев своё положение, он чуть не потерял сознание снова. Хотя этого и не произошло, моча непроизвольно потекла по ногам.

Цзян Мэнлинь лично подвесил его за ключицы на старую люстру. Высота была выбрана так, что он мог только с трудом стоять на согнутых коленях, не имея возможности ни выпрямиться, ни опуститься на пол. Любое движение причиняло невыносимую боль.

Цзян Мэнлинь, держа в руке бургер, присел рядом и с аппетитом ел. Услышав стон, он с радостью поднял голову:

— Ты голоден?

Чжао Даган отчаянно замотал головой, слёзы катились по его голой груди, смешиваясь с кровью, но он не смел издать ни звука.

Теперь он только жалел, что не может дать себе пощёчину и упасть на колени перед этим человеком, умоляя о пощаде.

Он и не предполагал, что, решив потрепать какого-то слабака, впервые наткнулся на такого крепкого орешка!

Он почти десять лет был сводником, и это первый раз, когда он попался. И всего один раз оказалось достаточно, чтобы его подвесили за плечи, сделав жизнь невыносимой.

— Господин... Господин...

Чжао Даган дрожал от страха, плечи болели ещё сильнее. Он глубоко вдохнул и, плача, умолял:

— Пощадите меня, пощадите...

Цзян Мэнлинь вытащил из бургера ненавистный салат и сунул его в рот Чжао Дагану:

— О чём ты плачешь? Я ведь тебя не обижаю.

Чжао Даган чуть не потерял сознание. «А это что, если не издевательство?!»

Конечно, это не издевательство... Цзян Мэнлинь зловеще улыбнулся, наелся досыта, поднял старую охотничью винтовку со стены, прицелился в голову Чжао Дагана и, после долгой паузы, вдруг громко произнёс:

— Бах!

Чжао Даган от страха потерял сознание.

Цзян Мэнлинь опустил ружьё и рассмеялся. Дверь с скрипом открылась, и вошёл Сун Цинсюй с чашкой только что подогретого молока. В последнее время у него появилось свободное время, и он начал активно изучать диетологию, готовя завтраки, обеды, ужины и перекусы, совершенно не задумываясь о том, что «благородный муж должен держаться подальше от кухни».

Войдя в комнату и увидев происходящее, он вздохнул:

— Раньше я удивлялся, зачем в новом доме делать подземное хранилище. Теперь понятно, для чего оно нужно...

Цзян Мэнлинь, едва войдя в дом, попросил у него крюк для подвешивания мяса. Тогда Сун Цинсюй ещё недоумевал, но, не прошло и времени, чтобы выпить чашку молока, как он уже подвесил человека.

Цзян Мэнлинь с недовольством посмотрел на молоко, нахмурился, взял его и выпил, после чего сказал:

— Этот идиот, трусливый до смерти, совсем не интересный. Сними его, я пойду посмотреть новости.

Сегодня из-за финансовой бури в Гонконге появилось много новостей о политической ситуации между двумя берегами. Это куда интереснее, чем издеваться над Чжао Даганом.

Чжао Даган очнулся от кошмара, в котором тот нищий парень, на которого он напал, вдруг показал свою силу и чуть не убил его...

Он перевёл дыхание, поняв, что этот мир слишком страшен. Только успокоившись от того, что избежал смерти, он вдруг с ужасом осознал — он не может двигаться!

Он изо всех сил попытался посмотреть вниз и чуть не обмочился снова — в его груди торчали несколько серебристых длинных игл, тонких и мягких, но густо расположенных, что выглядело ужасающе.

— Помогите... Помогите...

Его голос был едва слышен, он дрожал от страха, слёзы текли по щекам.

Дверь с скрипом открылась, и в проёме появилась фигура. Чжао Даган, испытывая смесь страха и надежды, изо всех сил попытался разглядеть, кто это. Увидев, он чуть не потерял сознание, изо рта пошла пена, и он едва не отправился на тот свет.

Цзян Мэнлинь с усмешкой стоял в дверях, на ногах были жёлтые тапочки с мишками, которые выглядели смешно, но для Чжао Дагана они казались страшнее любого демона.

Цзян Мэнлинь с досадой провёл рукой по лицу, на его лице появилось выражение лёгкого раздражения.

«Ну и дела... Я ведь такой красавчик...»

Через три часа Цзян Мэнлинь вышел из закрытой комнаты, улыбнулся Сун Цинсюю, который стоял снаружи с беспокойным выражением лица, и зевнул:

— Зайди, займись его ранами.

Сун Цинсюй, смущённый, вошёл внутрь, но с удивлением обнаружил, что страх на лице Чжао Дагана полностью исчез, а в глазах появилась надежда на новую жизнь.

Сун Цинсюй промолчал: «...»

Этот идиот точно был обманут!

Проведя столько дней с Цзян Мэнлинем, даже Сун Цинсюй, который испытывал к нему глубокое уважение, понял его способность лгать с невозмутимым видом и обманывать людей без зазрения совести. Цзян Мэнлинь обладал талантом пробуждать в других самые глубокие желания и жадность, тем самым полностью подчиняя их своей воле.

Это можно назвать удачей в несчастье. После той смерти Цзян Мэнлинь пересмотрел свои ценности, получив ясное понимание того, чего он действительно хотел. И это желание могло найти отклик в сердце любого человека.

Чжао Даган действительно был сильно обманут. По правде говоря, во время этого финансового кризиса ему удалось неплохо заработать. За все годы работы сводником он не смог накопить много, но благодаря фондовому рынку он приобрёл недвижимость.

Но что значат эти деньги в Гонконге, где полно богачей? В Гонконге, чтобы стать человеком высшего общества, необходимы как достаточная власть, так и огромные деньги.

Он уже много лет вращался в криминальных кругах, и большинство его друзей были ему верны. Так что, в конечном итоге, главной проблемой были именно деньги.

Если есть желание, всё решаемо. Цзян Мэнлинь даже не потратил и половины своих усилий, добавив к этому начальный страх, и Чжао Даган был полностью подчинён.

Этот человек безнадёжен...

Сун Цинсюй, проверяя пульс, почувствовал бурлящую энергию и кровь Чжао Дагана, с сожалением покачал головой и ввёл ему личинку паразита.

Червь пролез через кожу и направился к сердцу. Чжао Даган, почувствовав невероятную боль, закричал, с ужасом глядя на Сун Цинсюя:

— Что ты со мной сделал?!

<http://bllate.org/book/16657/1526563>